

Независимая газета

Последняя модернизация

До сих пор преодолением конкретных и частных отставаний лишь закреплялось наше общее отставание

2010-08-25 / Дмитрий Ефимович Фурман - доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института Европы РАН.

Политический лексикон всегда сложен. Термины в нем полны скрытых смыслов, далеких от их словарного значения и полностью не осознаваемых ни теми, кто их употребляет, ни их создателями. Термин в своем буквальном значении может быть совершенно нелепым и тавтологическим («народная демократия», «реальный социализм», «суверенная демократия»), но символизировать сложнейшие психологические и идеологические комплексы.

Медведевское (или раннемедведевское) время породило свой специфический термин со сложным и богатым значением – «модернизация». Чтобы разобраться в его значении, рассмотрим его сначала в теперешнем политическом контексте.

Этот контекст создается соперничеством Путина и Медведева. Это соперничество они могут скрывать не только от других, но и от самих себя. Но какими бы искренними друзьями, соратниками и единомышленниками они ни были, ситуация бывшего президента, ставшего премьером, и нового президента, ограниченного во власти этим премьером, – ситуация объективно «конфликтогенная» и предполагающая взаимное раздражение и соперничество, естественно, раздуваемое формирующимися придворными «партиями». Ты можешь подавлять эти раздражение и соперничество, но они все равно будут вылезать наружу. И в этом соперничестве президента и премьера термин «модернизация» политически очень выгоден нашему президенту.

Модернизация – нечто не слишком определенное, но очевидно хорошее, противоположность модернизации – застой и отсталость. Но кто решится сказать, что он – за отсталость и против модернизации? Даже РПЦ никогда такого не скажет. И если ты «захватил» этот термин, отождествил себя с ним, ты тем самым в какой-то мере разоружаешь реальных и потенциальных противников – они становятся «противниками модернизации», чуть ли не «сторонниками отсталости».

Одновременно термин «модернизация» очень мягко, осторожно и завуалированно бросает тень на ставшего премьером медведевского предшественника, как в свое время раннегорбачевский термин «ускорение» мягко и завуалированно бросал тень на предшественников Горбачева. Уже сам факт, что сейчас выдвигается задача модернизации, подразумевает, что раньше ее не было и, следовательно, в какой-то мере был «застой». И если один из участников тандема воплощает модернизацию, значит, другой воплощает нечто ей противоположное.

И действительно, какой-то специфической «модерности» в образе Путина нет. Путин очень национален. Его образ (речь идет именно об образе, а не человеке) – это образ деятельного и сурового единоличного правителя, «хозяина», которого боятся, который может (даже не может, а должен) казнить, но может и помиловать и иногда даже помочь простым людям. Это очень родной для русского народа образ, в который он «втискивал» реальные фигуры своих правителей – царей и генсеков – и в соответствии с которым эти правители «лепили» себя. Но это – очень традиционный, древний образ. Он может быть связан с образом преобразователя, модернизатора, но эта связь не обязательна. И как раз у Путина ее не было – деятельность Путина была связана с восстановлением традиционного для России авторитарного порядка, а не с каким-либо движением вперед, «модернизацией».

Между тем стремление быть передовыми, современными и зависть к этим передовым имманентны нам ничуть не меньше, чем привычка к авторитарному порядку. При Путине общество как бы отдохнуло после смуты в родной атмосфере авторитарной власти. Но когда оно отдохнуло, ему начинает хотеться «чего-нибудь прогрессивного», а привычное начинает ощущаться как «застойное». Время начинает работать на лозунги типа «модернизация» и людей, их воплощающих.

«Модернизация» – мобилизующее, оптимистическое слово. Оно должно дать обществу ощущение перспективы, веру в свои силы и надежду на будущее. В теперешнем контексте лозунг модернизации может сыграть положительную роль и помочь нам сдвинуться с мертвой точки, в которую мы попали в путинское время, когда впереди виделось в самом лучшем случае лишь то, что уже было в прошлом.

Между тем, если рассмотреть термин «модернизация» в более широком, чем теперешний, контексте, оптимистическое звучание его может улетучиться, и он приобретает даже оттенок безнадежности. Это чувство безнадежности возникает, стоит только спросить себя, сколько у нас было модернизаций и когда они начались. Однозначный ответ дать трудно, но ясно, что было их много и начались они еще до Петра. Модернизация – очень старое русское занятие. Такое же старое, как наша отсталость, и неразрывно с ней связанное.

Авторитарная власть периодически замечала русскую отсталость и бросалась ее преодолевать. Наша власть всегда была сильной и могла преодолеть едва ли не любую конкретную отсталость, которую могла увидеть. Но, естественно, только ту, которую могла увидеть. А увидеть, что главная причина отсталости – в ней самой, она не могла. Не может же правитель сказать себе: «Вся беда в том, что никто меня не ограничивает и не контролирует». Наоборот, ему всегда кажется, что власти у него мало, что для модернизации косного русского общества, в котором он чуть ли не «единственный европеец», ее надо больше. Самые великие модернизационные рывки (петровский, советский) сопровождались максимальной концентрацией власти и удушением общества. И именно поэтому, преодолевая конкретные и частные отставания, наши модернизации лишь закрепляли наше общее отставание. Мы в чем-то догоняли и даже перегоняли свободные передовые общества. И на какое-то

время мы успокаивались, погружаясь в очередной «застой». Но вскоре выяснялось, что то, в чем мы их догнали, уже вчерашний день – никому не нужно выплавлять столько стали и иметь столько танков.

Наши технологические и символические (заимствование «передовых» слов, полиция вместо милиции) модернизации «сверху» не только не ликвидировали нашу отсталость, но были ее органической частью. Всю советскую историю мы что-то модернизировали, в чем-то догоняли и перегоняли других. За нанотехнологиями проглядывает что-то вроде электрификации или химизации сельского хозяйства или даже петровского развития металлургии и суконных фабрик. Поэтому бюрократию и не очень-то пугает лозунг модернизации – всю историю она только ею и занималась и готова заниматься и впредь.

Медведев, несомненно, понимает всю безнадежность и даже «архаичность» технологических и символических модернизаций сверху. Он не хочет очередного удушения общества и говорит: «В XXI веке нашей стране вновь необходима всесторонняя модернизация, и это будет первый в нашей истории опыт модернизации, основанный на ценностях и институтах демократии». В медведевской «гибридной» модернизации есть и древнерусское «внедрение передовых технологий», и где-то на заднем плане новое – «ценности и институты демократии».

Медведев тактически прав, выставляя вперед привычную технологическую модернизацию, которая никому не страшна, и придерживая демократию, выход которой на первый план породил бы панику. Но вся логика нашей культуры и нашей системы будет вести к тому, чтобы технология так и оставалась на переднем плане, а демократия была благим пожеланием или словесной завитушкой. Чтобы сломать эту логику, Медведеву нужны редкие качества: и бесстрашие, и готовность к самопожертвованию, и хитрость. Но если медведевская модернизация сведется к нанотехнологиям и Сколкову, это будет означать, что в конце нашего века какой-нибудь президент, принявший власть из рук своего предшественника, снова будет говорить, что порядок мы, слава богу, навели, вертикаль власти восстановлена и теперь надо приступить к всесторонней модернизации.

Мы отстали не потому, что у нас нет тех или иных технологий, а потому, что мы так никогда и не выбрали власть, не умеем этого и боимся. Именно в этом наше принципиальное отличие от передовых обществ, которые не проводили судорожных модернизационных кампаний, а просто естественно развивались в условиях свободного правопорядка. И если в условиях свободного правопорядка когда-нибудь будем жить мы, никаких модернизационных кампаний не нужно будет и нам. И дай бог, чтобы это произошло и медведевская модернизация оказалась последней.